

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ
О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ
КУЛЬТУРЫ

76

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА — 1959

А. М. МАНДЕЛЬШТАМ

МОГИЛЬНИК АРУК-ТАУ В БИШКЕНДСКОЙ ДОЛИНЕ
(ЮЖНЫЙ ТАДЖИКИСТАН)¹

Во время систематических археологических исследований в низовьях р. Кафирниган, проведенных в 1950—1952 гг. М. М. Дьяконовым, здесь, наряду с многочисленными тепе и городищами, обнаружено несколько курганных могильников. Расположенные в непосредственной близости от земледельческого оазиса (Кобадиян), на его окраинах, они сразу привлекли к себе особое внимание. Встал вопрос о необходимости выяснения роли кочевников в истории Северной Бактрии². Однако произведенные с этой целью в 1952—1953 гг. раскопки нескольких могильников не дали существенных результатов, так как курганы оказались разграбленными; в долине р. Кафирнигана вообще не оказалось ни одного неразграбленного могильника.

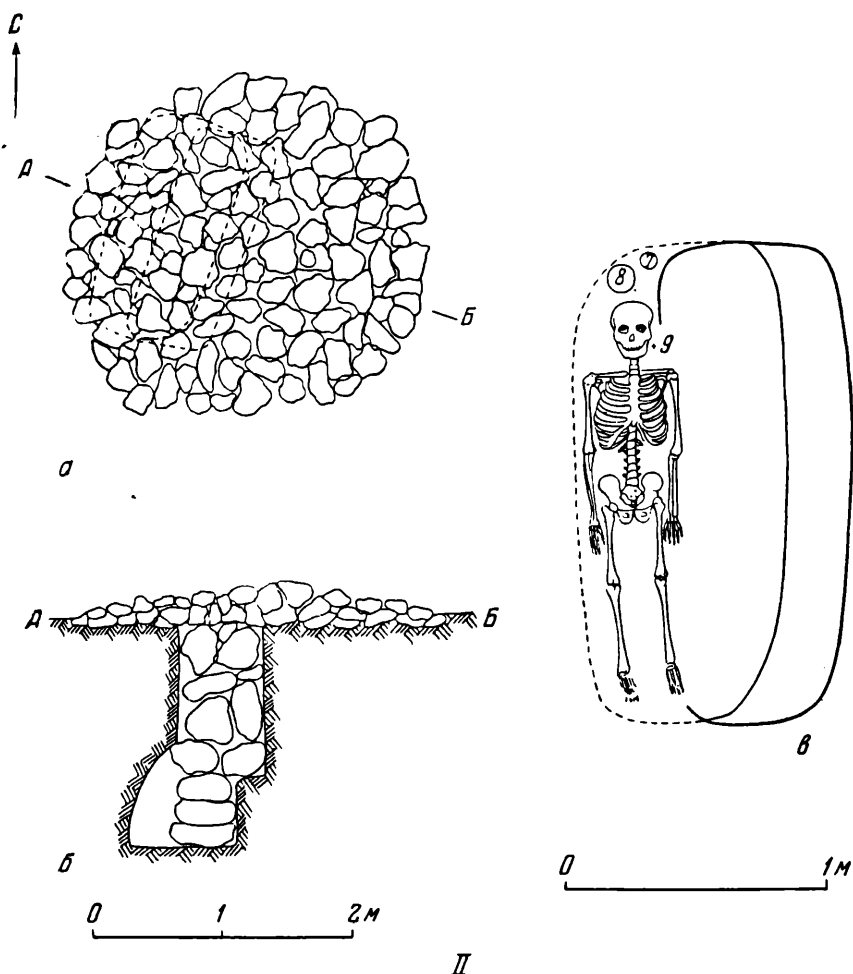
В 1953 г. удалось обнаружить несколько курганных могильников, не подвергшихся полному ограблению, в соседней Бишкендской долине. Наиболее крупный из них, находящийся в северной, ныне пустынной части этой долины, у подножия горного хребта Арук-тау, был объектом раскопок в 1955 и 1956 гг. Могильник занимает площадь более 2 кв. км и распадается на две части — южную и северную. В обеих частях его курганы расположены группами, в основном цепочками, вытянутыми от хребта к середине долины, с востока на запад, вдоль узких промоин. Часто наряду с «основной» цепочкой наблюдается и «дополнительная», лежащая несколько в стороне от нее.

Общее число курганов составляет более 300, однако около двух третей их разграблено, по-видимому, в древности. У всех курганов каменная насыпь почти правильной круглой в плане формы; размеры во всех случаях невелики — диаметр не превышает, за единичными исключениями, 4—5 м, а высота обычно менее 0,5 м.

За два сезона раскопано 103 кургана, в том числе некоторое количество разграбленных. Преобладающий тип могил во всех группах — прямоугольная яма, вытянутая примерно с севера на юг (часто с некоторым отклонением на запад или восток), глубиной около 2 м, с подбоем в западной стенке; при восточной стенке во многих случаях имеется небольшая ступенька (рис. 31—II). Отмечено также небольшое количество простых грунтовых ям различной глубины, с той же ориентировкой. Кроме того, в некоторых группах есть очень небольшое число курганов с погребениями на древнем горизонте, которые, однако, в большинстве оказывались

¹ Доклад на Секции Средней Азии; отчетная сессия ИИМК АН СССР 1957 г.

² М. М. Дьяконов. Археологические работы в нижнем течении реки Кафирнигана (Кобадиян) (1950—1951 гг.). МИА, № 37, 1953, стр. 258 и др.

Мальника Арук-тау.

курган № 2 с погребением в подбоях (а — план; б — разрез; в — план погребения). Цифрами обозначены обломки сосуда; 7 — горшок на трех ножках; 8 — ваза; 9 — бронзовая серьга.

кости барана. При женских и детских костяках встречались бусы, серьги, перстни. При мужских и женских костяках найдены железные и бронзовые пряжки различных форм и мелкие бронзовые гвоздики — очевидно, от поясов. Оружие встречено только в одном мужском погребении, это обломки трех железных наконечников стрел.

Погребальный инвентарь в подбоях и грунтовых ямах сравнительно беден и единообразен. Количественно более половины его составляет керамика, сделанная на гончарном круге, но характеризующаяся известной небрежностью изготовления, часто асимметричностью форм и неравномерным покрытием ангобом. Ведущая форма посуды — небольшие кувшины, которые могут быть подразделены на три типа: шаровидные, яйцевидные и приземистые, расширяющиеся книзу (рис. 32 — 6—8). Все они имеют овальную в сечении ручку, идущую от края горловины к верхней части плечиков; часто под ручкой наблюдается выступ овальной или круглой формы.

В большом количестве встречались бокаловидные сосуды с очень широким туловом и низкой, часто непрофилированной ножкой (рис. 32 — 1, 2).

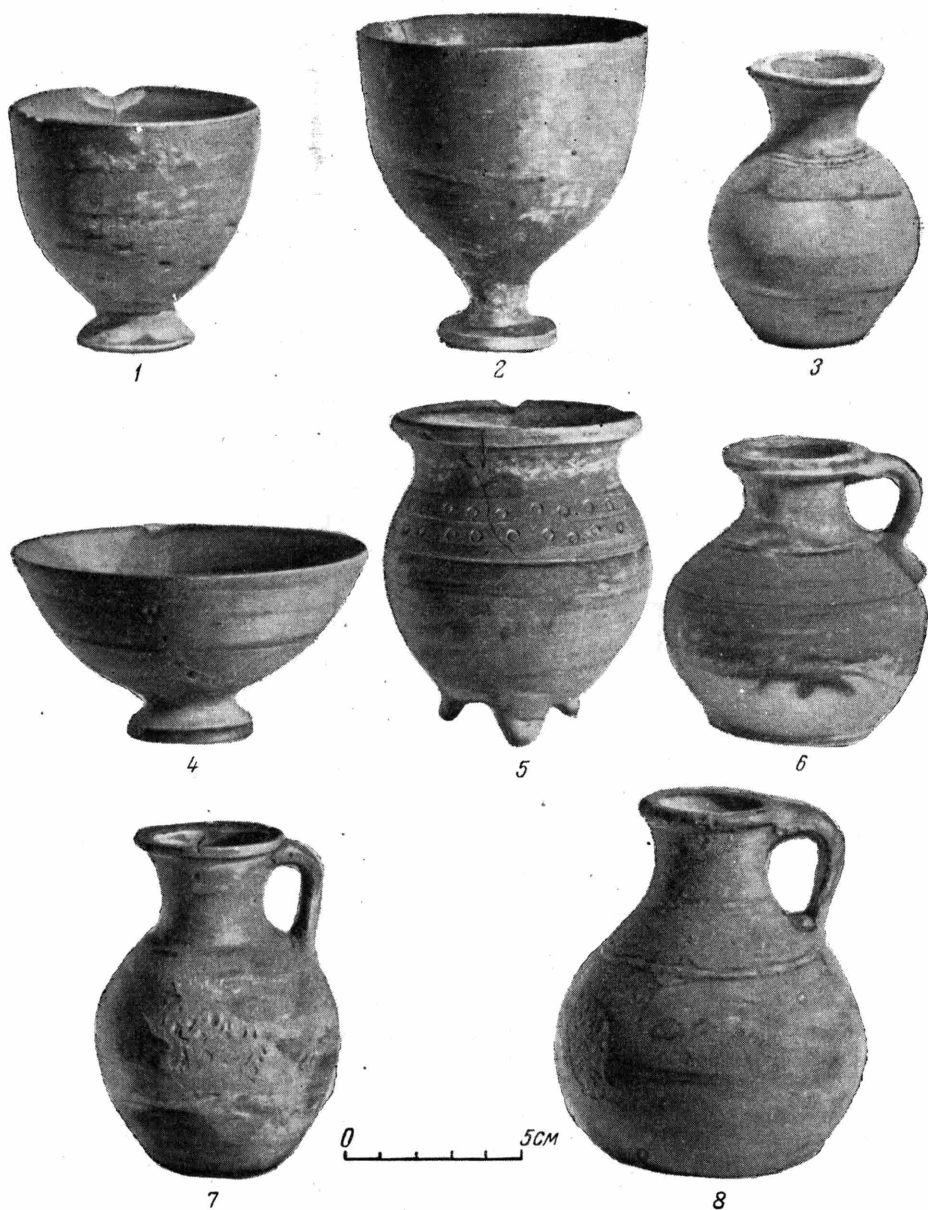

Рис. 32. Арук-тау. Керамика из погребений в подбоях и грунтовых ямах.
1, 2 — бокаловидные сосуды (курганы Ж 3 и Д 3); 3 — кувшин без ручки (курган А 5); 4 — «ваза»
(курган В 6); 5 — горшок на трех ножках (курган Д 4); 6—8 — кувшины (курганы М 2, Б 2, Д 3).

Поверхность их покрыта красно-коричневым ангобом. По качеству глины и обжига они занимают первое место среди керамики из могильника, однако уступают в этом отношении бокаловидным сосудам, обнаруженным на городищах Кей-Кобадшах, Калаи-Мир и так называемом «Каменном городище».

Значительный процент составляли миски со слегка отогнутым или прямым краем, на невысокой ножке, покрытые обычно красно-коричневым или коричневым ангобом. Миски эти условно можно именовать вазами (рис. 32—4).

В некотором количестве отмечены сосуды с яйцевидным туловом, близкие по форме соответствующей категории кувшинов. Особо следует выделить миниатюрный кувшин без ручки с сильно расширяющейся кверху горловиной (рис. 32 — 3). Отдельную группу составляют небольшие горшки с шаровидным туловом и широкой низкой горловиной; отличительная особенность их — три небольшие ножки (рис. 32 — 5). На плечиках горшков расположено по два пояска орнамента — волнистого или в виде округлых наколов; поверхность покрыта красно-коричневым ангобом. Такого типа сосуды до настоящего времени на территории Средней Азии нам не известны.

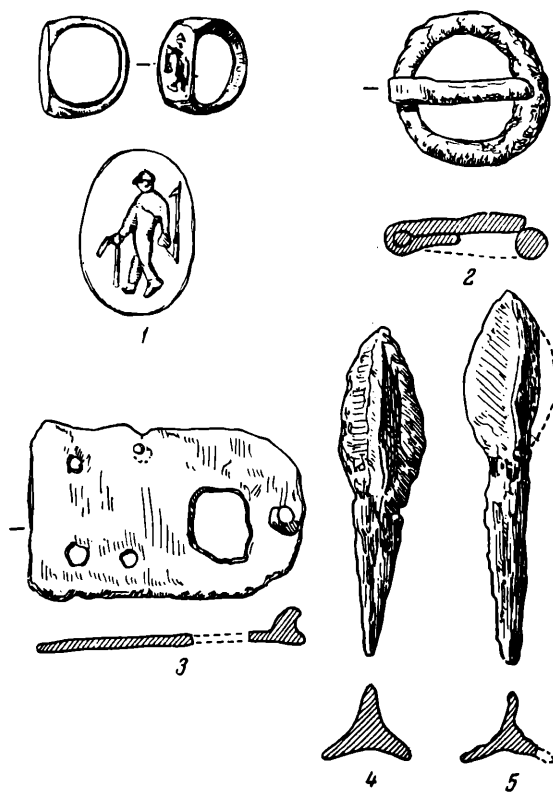

Рис. 33. Арук-тау. Находки в погребениях с подбоями и в грунтовых ямах.

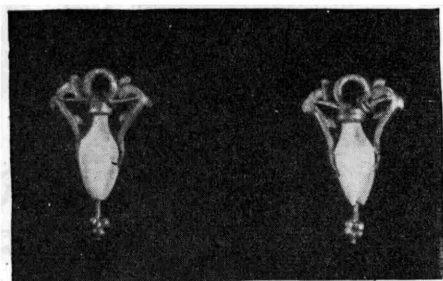
1 — перстень (курган А 2); 2, 3 — железные пряжки (курган);
4, 5 — железные наконечники стрел (курган А 4).

Следует отметить, что основные виды сосудов, указанные выше, встречаются в различных сочетаниях друг с другом, что дает полное основание считать их бытовавшими одновременно.

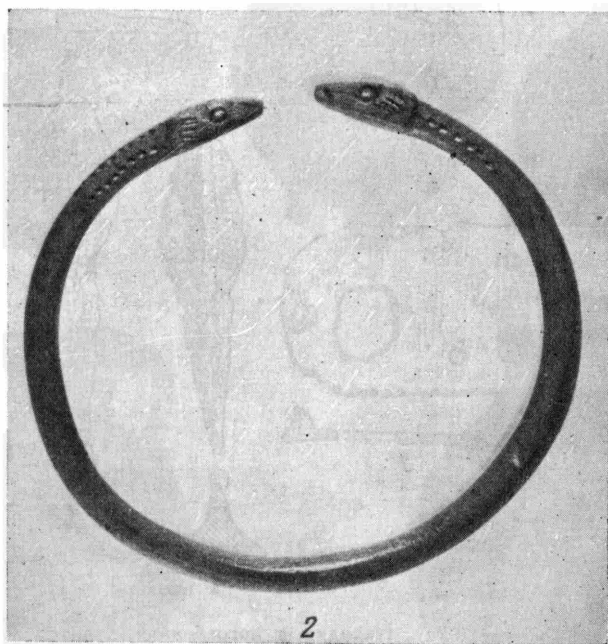
В некоторых погребениях обнаружены остатки деревянных сосудов, форму которых установить не удалось. Сохранились небольшие, распадавшиеся при прикосновении обломки, включавшие бронзовые скобки из двух пластинок, соединенных двумя стерженьками.

Как указывалось, оружие найдено только в одном погребении: это обломки трех железных черешковых трехперых наконечников стрел сравнительно крупного размера (рис. 33 — 4, 5). В другом погребении найден небольшой железный нож. Основную массу железных предметов составляют поясные пряжки. Одни из них круглые, с подвижным язычком,

другие — в виде прямоугольной пластины с отверстиями для продевания ремня (рис. 33 — 2, 3). Обнаружены обломки железных перстней с плоским щитком, причем один с бронзовой вставкой. Встречены обломки неопределимых железных предметов, сильно окисленных.

1

2

Рис. 34. Находки из курганов Арук-тау.
1 — золотые серьги; 2 — бронзовый браслет.

Изделия из бронзы представлены в находках из погребений в подбоях и грунтовых ямах несколькими пряжками и различными украшениями. В их числе два браслета: массивный, незамкнутый, круглый в сечении, на концах стилизованные головки животных с обозначенными кружками глазами; шерсть (?) передана рядами небольших круглых впадин (рис. 34 — 2); второй — также незамкнутый, но с находящимися друг на друга концами, изготовлен из плоско-выпуклой в сечении узкой полосы и украшен несколькими перекрещивающимися бороздками на слегка расширяющихся концах. Кроме того, найдены обломки браслетов из выпукло-вогнутой полосы, очевидно, с находящимися друг на друга концами, и из круглой в сечении проволоки с закреплением концов несколькими витками.

Особого внимания заслуживает перстень с плоским щитком, на котором вырезано изображение мужской фигуры (рис. 33 — 1).

В большом количестве собраны мелкие бронзовые гвоздики, преимущественно с круглой шляпкой (по-видимому, от поясов), и несколько бляшек треугольной формы. Сравнительно многочисленны бронзовые серьги в виде неправильной формы колечек из проволоки, иногда с несомкнутыми, находящими друг на друга концами; в некоторых случаях на проволоку нанизана бусина.

В детском погребении найдены золотые серьги (рис. 34 — 1) с алебастровой вставкой в виде миниатюрной амфоры; вставка закреплена вертикальным стерженьком, заканчивающимся несколькими небольшими перлами, изображающими, вероятно, гроздь винограда.

Во многих женских и детских погребениях обнаружены различные бусы; в большинстве случаев они располагались около шейных позвонков, иногда около запястий рук. Бусы изготовлены из стекловидной пасты или мягких видов камня, но есть из сердолика и лазурита. Вместе с бусами в нескольких погребениях найдены раковины каури, несомненно, также служившие украшением.

Из прочих находок упомянем: костяное прясло, обнаруженное между сжатыми фалангами пальцев правой руки в женском погребении; небольшой точильный брусок с отверстием на конце; маленькую круглую золотую бляшку с отверстиями для нашивки и обломки деревянного сосуда, покрытого лаком, украшенного интересным орнаментом. К сожалению, от сосуда сохранились только мелкие фрагменты, что не позволяет восстановить композицию узора.

Состав сопровождающего инвентаря погребений в подбоях и грунтовых ямах единообразен, что дает возможность относить все эти погребения к одному и тому же периоду, длительность которого, вероятно, не более двух веков, а может быть даже и одно столетие (см. ниже).

Погребения на древнем горизонте в большинстве своем оказались разграбленными; о положении костяков и составе сопровождающего инвентаря можно судить только по трем ненарушенным курганам. У двух из этих курганов вследствие вторичного погребения в один из них насыпи почти слились друг с другом (рис. 31 — I). Костяки лежали на правом боку, головой на восток, с согнутыми и подтянутыми вверх ногами; руки также согнуты и кисти находились у лицевой части черепа.

Сопровождающий инвентарь очень ограничен, но существенно отличается от инвентаря погребений в подбоях и грунтовых ямах: он состоит из небольших мисок и широкогорлых низких горшков, большая часть которых изготовлена вручную. В одном захоронении возле черепа найдены кости барана.

С этой группой погребений, возможно, следует связывать и погребение, обнаруженное под отдельно стоящим курганом в южной части могильника (рис. 35). Здесь вскрыт сильно разрушенный детский костяк в неглубокой (0,9 м) прямоугольной яме, вытянутой с востока на запад. Костяк лежал на левом боку, головой был ориентирован на восток, руки были согнуты, кисти их лежали у лицевой части черепа. От нижней части костяка остались лишь мелкие обломки костей, не позволяющие установить положение ног. В головах стояла миска с вогнутыми краями и небольшой горшочек ручной работы; на костях рук найдены два браслета с находящими друг на друга концами, изготовленные из выпукло-вогнутой бронзовой полосы; у головы — четыре серьги в виде колец.

Особенно интересен один из курганов на западном конце крайней южной цепочки северной половины могильника; под насыпью обнаружено погребение в небольшом хуме, лежавшем на боку в овальной яме, горловиной на север; внутри были кости ребенка, небольшой сосуд с шаровидным

туловом, узкой, частично отбитой горловиной и двумя ручками, покрытый красно-коричневым ангобом, и бронзовое кольцо. Рядом с хумом стоял небольшой сосуд с отбитым сливом-соском, покрытый коричневым ангобом.

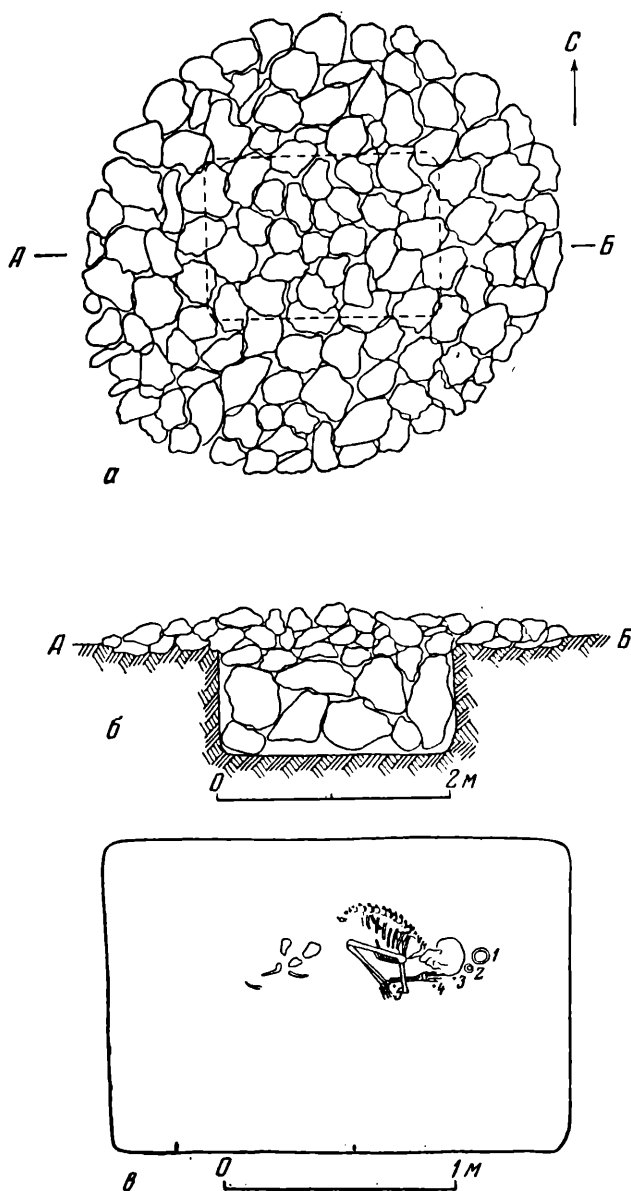

Рис. 35. Курган с погребением в яме.

а — план; *б* — разрез; *в* — план погребения. Цифрами на плане погребения обозначены места находок: 1 — миска, 2 — маленький сосудик; 3 — кольцо и серьга; 4 — два кольца; 5 — бронзовый браслет и обломки браслета.

Исследованные в 1955—1956 гг. курганы могут быть разделены по обряду погребения и типу могил на три группы: первая — погребения в подбоях и грунтовых ямах, вторая — погребения на древнем горизонте и третья, представленная лишь одним случаем, — погребение в хуме, над

которым сооружена обычная курганный насыпь. Состав сопровождающего инвентаря позволяет считать их относительно одновременными, причем наиболее позднее, по-видимому, погребение в хуме. Об этом свидетельствует находка обломков хума с человеческими костями в поле одного из курганов другого могильника в той же Бишкендской долине, основное погребение которого было в подбойной могиле. Что касается относительной датировки первых двух групп погребений, то, по-видимому, вторая относится ко времени более раннему, чем первая.

Абсолютная датировка всех трех групп сильно затруднена отсутствием точно датированных находок за оба сезона исследования. Определяющей для установления времени первой группы служит керамика, поскольку металлические предметы мало выразительны. Однако и тут мы сталкиваемся с трудностями.

Вполне естественно, что аналогии следует искать прежде всего в материалах из сравнительно хорошо изученных городищ Кобаданского оазиса, на основании которых М. М. Дьяконовым была разработана хронологическая классификация, охватывающая промежуток времени с VI в. до н. э. по II—III вв. н. э. Но в них мы не находим прямых аналогий формам керамики, характерным для рассматриваемых погребений могильника Аруктау. Для кушанского времени, по всем известным сейчас данным, была характерна рюмкообразная форма бокаловидных сосудов. Эта форма в могильнике не представлена. И наоборот, в материалах с исследованных городищ нет бокаловидных сосудов, аналогичных обнаруженным в могильнике.

Можно считать установленным в результате исследований на городищах Кей-Кобад шах, Калаи-Мир и на так называемом «Каменном городище», что в керамике Кобаданского оазиса II в. кувшины или отсутствовали вообще, или же были единичны. По данным М. М. Дьяконова, они появляются, и притом в ограниченном количестве, только на этапе Кобадан IV, соответствующем II в. н. э.; характерные формы их до настоящего времени остаются неясными. Что касается Аруктауского могильника, то здесь кувшины составляют почти половину всей найденной керамики. Для этапов Кобадан II, III и IV, охватывающих, по М. М. Дьяконову, период от III в. до н. э. до II в. н. э., весьма характерны миски с вогнутыми и отогнутыми краями: на исследованных городищах это одна из наиболее типичных форм керамики, во всяком случае — для кушанского времени. В Аруктауском могильнике найдена только одна миска и притом несколько иной формы (с высоким туловом и прямыми краями). В то же время встречено несколько ваз, которые в материалах с городища Кей-Кобад шах и Калаи-Мир не представлены. Обращает на себя внимание также отсутствие в составе керамики из могильника амфоровидных сосудов, часто встречающихся на городищах (если иметь в виду упомянутый период по М. М. Дьяконову).

Изложенное выше показывает, что сопоставление керамики из Аруктауского могильника с материалами изученных городищ Кобаданского оазиса не дает нам твердых основ для датировки. Можно сделать лишь один, сравнительно обоснованный вывод: материалы из Аруктауского могильника, очевидно, нельзя относить к первым векам н. э. Выше отмечено, что, по имеющимся данным, кувшины получают заметное распространение в Кобаданском оазисе лишь примерно во II в. н. э. Это можно было бы считать основанием для датировки могильника временем после II в. н. э. Такая датировка нам казалась возможной к моменту завершения раскопок. Однако работы на других памятниках Бишкендской долины, проведенные позднее, показали, что она не может считаться правильной.

На городище Хан-газа, расположенном недалеко от могильника в слоях, относящихся ориентировочно ко II—IV вв., не обнаружено форм керамики, типичных для него. Это обстоятельство заставляет датировать

погребения в подбоях (и ямах) Аруктауского могильника первыми веками до н. э.; возможно, что отдельные погребения его смогут быть отнесены и к рубежу н. э.

В пользу указанной датировки говорит также известное сходство некоторых находок с вещами из могильников Бухарского оазиса и притом из тех курганов, которые могут быть отнесены ко II—I вв. до н. э.

Что касается скорченных погребений Аруктауского могильника, то вопрос об их датировке пока остается открытым; очевидно лишь то, что они должны быть отнесены ко времени более раннему, чем погребения в подбоях (и ямах), и, во всяком случае, не позднее середины I тысячелетия до н. э.

Историческая интерпретация Аруктауского могильника, ввиду неясности его датировки и в силу того, что это пока единственный раскопанный курганный могильник в южном Таджикистане, весьма затруднительна. Но на одном частном вопросе все же следует остановиться: с каким населением — оседлым или кочевым — надо его связывать?

Раскопки М. М. Дьяконова в урочище Туп-хона около Гиссара и некоторые наблюдения в Кобаданском оазисе и долине Вахша показали, что коренное оседлое население Северной Бактрии в древности хоронило мертвых в грунтовых ямах без каких-либо наземных сооружений над ними. Наряду с этим были случаи использования для погребений недостроенных (или заброшенных) жилых построек. С другой стороны, совершенно очевидно, что по ряду черт Аруктауский могильник имеет сходство с некоторыми могильниками северной части Средней Азии, Казахстана и, беря шире, также с сарматскими могильниками южного Приуралья и Поволжья. Сходство это заключается прежде всего в наличии подбоя. Эти два момента заставляют полагать, что могильник надлежит связывать не с оседлым населением, а с кочевниками. Однако в погребальном инвентаре мы наблюдаем господство керамики, изготовленной на гончарном круге, и наличие таких форм, которые непригодны для пользования в условиях кочевого образа жизни (прежде всего, бокалы). Обращает на себя внимание и следующая особенность топографии памятников северной части Бишкендской долины: курганные могильники всегда расположены вблизи от городищ. Эти соображения позволяют предположить, что Аруктауский могильник — памятник, связанный с населением, перешедшим от кочевого образа жизни к оседлому, но, очевидно, сравнительно недавно, почему и сохраняется традиционный обычай погребения в подбоях и сооружение каменных курганных насыпей. Предположение это сможет быть проверено только после завершения работ на упомянутом городище.

Несмотря на существующую пока неясность в вопросе о его датировке, Аруктауский могильник — интересный памятник, относящийся к еще очень плохо изученному времени проникновения на территорию земледельческих оазисов Средней Азии больших групп кочевников, положивших конец существованию Греко-бактрийского царства. Сведения письменных источников об этом времени крайне скудны и противоречивы, что обуславливает особую важность исследования археологических памятников — могильников и городищ.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

147

АРХЕОЛОГИЯ СРЕДНЕЙ АЗИИ
И СИБИРИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА 1976

А. М. МАНДЕЛЬШТАМ

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ ПАМЯТНИКОВ
РАННИХ КОЧЕВНИКОВ ЗАКАСПИЯ

Обширные полупустынные пространства, тянувшиеся вдоль восточного побережья Каспийского моря, до настоящего времени остаются одной из наименее исследованных в археологическом отношении частей Средней Азии. Результаты разведок и пробных раскопок, проведенных здесь в прошлом А. А. Марущенко, к сожалению, не нашли отражения в печати. Работы Хорезмской экспедиции, внесшие в целом значительный вклад в разработку многих вопросов исторического прошлого северо-западной части Туркменистана, были ограничены преимущественно районами по Узбою¹. Систематическое обследование территории Закаспия, в частности выявление и предварительное изучение памятников кочевого населения, было начато лишь в 1962 г. Специфика природных условий ограничивает здесь масштабы и темпы работ. Поэтому накопление фактов, разработка классификации и хронологической периодизации материалов находятся еще только в начальной стадии.

С достаточной определенностью выявлены погребения, относящиеся к позднему периоду бронзового века: они известны сейчас у северных склонов Больших Балхан, а также в подгорной полосе Копет-Дага². Для понимания прошлого рассматриваемой территории существенна значительная близость населения, оставившего эти погребения, к носителям срубной культуры. Очевидно, сюда продвинулись какие-то племена, обитавшие первоначально на юго-восточной окраине ареала срубной культуры. Через территорию Закаспия скотоводы проходили уже в отдаленные времена, и связи с более северными степными областями, видимо, носили впоследствии постоянный характер.

Вопрос о времени и конкретных путях появления кочевого скотоводства на территории между Эмбой и Узбоем не может быть еще решен: фактических материалов пока нет. Но есть основания предполагать, что значительную, если не решающую роль сыграли упомянутые выше пришельцы с севера, вещественные свидетельства обитания которых встречаются также около многих старых колодцев. Возможно, именно они были основой, на которой сложились известные позднее по сообщениям античных авторов массагеты³.

Погребения, которые можно было бы относить к первой половине I тысячелетия до н. э., на территории Закаспия не найдены, но это, по-видимому, следует объяснять прежде всего ограниченностью районов, где ведутся исследования, и трудностями датировки из-за разграбления большинства памятников. Наиболее ранние захоронения кочевников были обнаружены в двух могильниках: Гек-Даг II, расположенном недалеко от колодцев Кошоба южнее Кара-Бугаза, и Джанак II, находящемся вблизи восточного побережья Кара-Бугаза. Погребальные сооружения сильно разрушены, и мы имеем неполное представление об их конструкции. Кроме того, они, несомненно, подверглись ограблению, и это не позволяет точно установить обряд погребения и состав сопровождающего инвентаря.

Сооружение 2 в могильнике Гек-Даг II (рис. 1) еще до расчистки имело вид четко выраженной круглой ограды. При этом во внутреннем пространстве камней не было, а развал снаружи был невелик. Расчистка выявила очень правильное по очертаниям кольцо диаметром 6,4 м и высотой до 0,45 м. Оно сложено из плоских обломков плитняка, на некоторых участках очень тщательно. Кладка имела два обвода — внутренний и внешний, а пространство между ними было заполнено мелкими камнями.

Во внутреннем пространстве на разных уровнях обнаружено значительное количество обломков человеческих костей, в том числе не менее

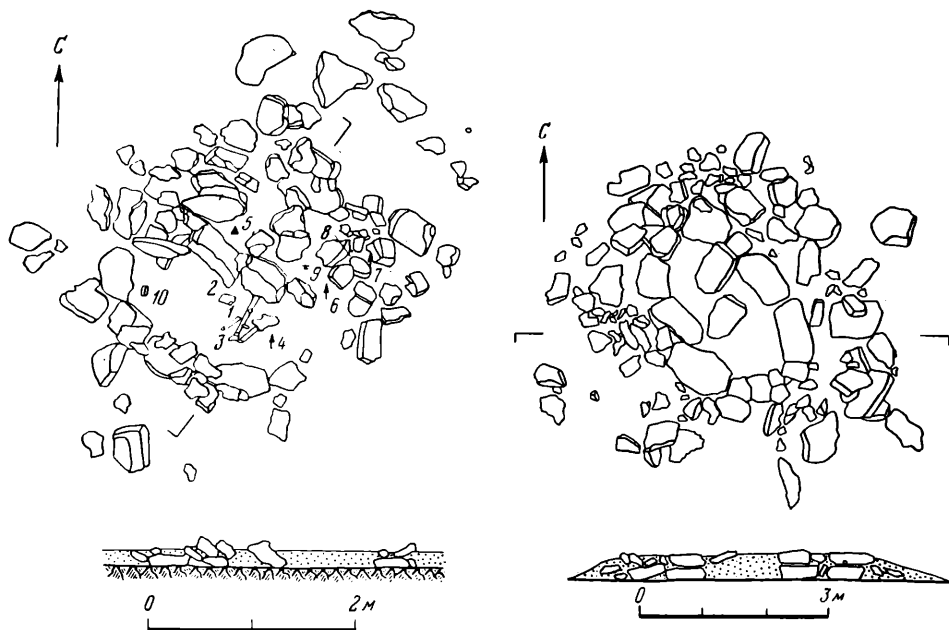

Рис. 1. Могильник Гек-Даг II. Сооружение 2. План

1 — обломок черепа; 2 — обломок венчика сосуда; 3 — длинные кости; 4—7 — наконечники стрел; 8 — бусина; 9 — железный предмет; 10 — обломки каменного сосуда

12 черепов взрослых и детей. Преимущественно в северной половине найдены обломки керамики и немного каменных и металлических предметов. На уровне древнего горизонта ни костей, ни находок не было. Здесь залегал слой отложений, образовавшийся в результате систематического заполнения сооружения дождевыми водами и наносами. Очевидно, процесс накопления этих отложений вызвал поднятие остатков погребений над дном⁴.

Вся найденная в сооружении керамика лепная. Это обломки 12 сосудов, из которых удалось полностью реставрировать только три. По-видимому, здесь представлены три типа сосудов. Первый объединяет горшки, различающиеся по форме тулова, но всегда имеющие широкую, очень низкую горловину (рис. 2, 1—3, 5, 6). Среди них есть один яйцевидный, два — почти полушаровидных и один — близкий к шаровидному. Второй тип включает сосуды, которые условно можно назвать высокими мисками (рис. 2, 4, 8, 10). Один из этих сосудов полушаровидный, два имеют вытянутые пропорции, сближающие их с кубками. К третьему типу отнесен сосуд, очень близкий к горшкам, но отличающийся от них массивной ручкой в верхней части тулова и очень слабо выраженной горловиной (рис. 2, 11). Все реконструированные сосуды круглодонны, такую же конфигурацию нижней части имеют сосуды, представленные крупными обломками. Поскольку мелкие фрагменты, очевидно, принадлежат таким же горшкам

Рис. 2. Могильник
Гек-Даг II. Сооружение 2.
Керамика (1—11)

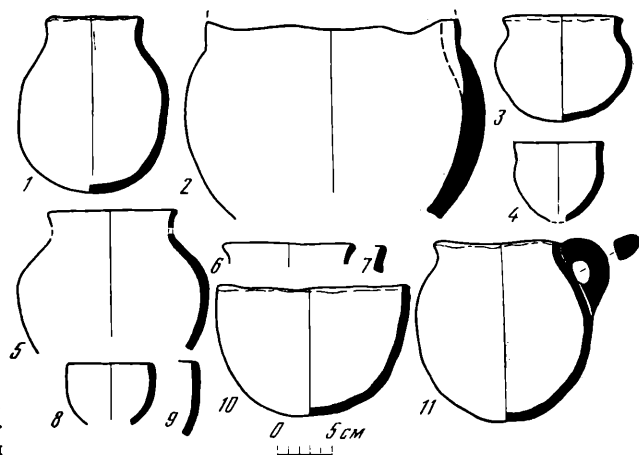
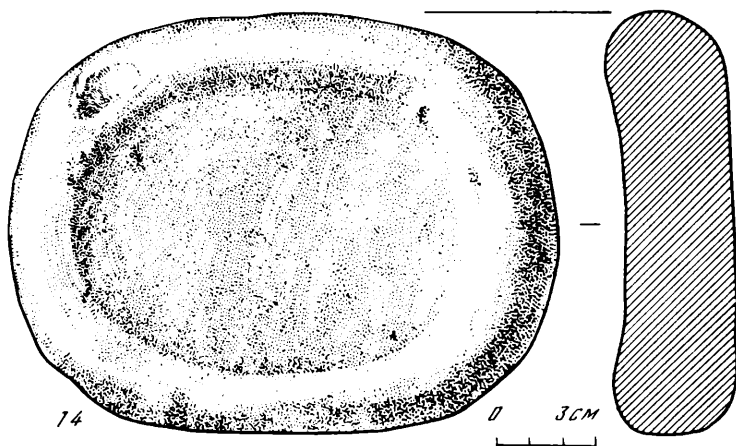
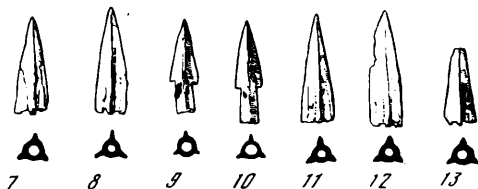
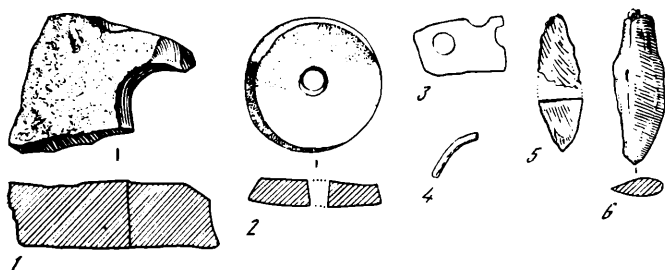

Рис. 3. Могильник
Гек-Даг II. Сооружение 2.
Каменные (1—6, 14) и ме-
таллические (7—13) предметы

и мискам, можно полагать, что круглое дно характерно для всего найденного здесь керамического комплекса.

В состав сопровождающего инвентаря входят семь бронзовых трехперых втульчатых наконечников стрел: пять из них со скрытой втулкой, два — с выступающей (рис. 3, 7—13). Наблюдаются некоторые вариации в форме перьев, носящие, однако, второстепенный характер: К бронзовым

изделиям относятся также фрагмент прямоугольной пластины с круглыми отверстиями (рис. 3, 3) и обломок неопределенного предмета из круглой в сечении проволоки — возможно, браслета (рис. 3, 4).

Железные изделия представлены двумя ножами (рис. 3, 5, 6): оба очень небольших размеров, один — в обломках. Обращают на себя внимание явственные признаки длительного употребления обоих ножей: они сточены до того предела, когда реальное использование их стало уже затруднительно. Это свидетельство особой ценности железа в тот период, к которому принадлежит рассматриваемое погребальное сооружение.

В этом сооружении найдены также круглое пряслице, вырезанное из обломка изготовленного на круге сосуда (рис. 3, 2), обломок плоского каменного предмета с круглым отверстием (рис. 3, 1) и овальная каменная краскотерка с сильно сработанной рабочей поверхностью (рис. 3, 14). Назначение ее установлено специальным исследованием Г. Ф. Коробковой.

Для датировки сооружения могут быть использованы только наконечники стрел. Они находят достаточно близкие аналогии в предметах этой категории из более северных областей. Хронологическая классификация, детально разработанная К. Ф. Смирновым, обычно используется для установления времени памятников Средней Азии. Оба варианта втульчатых наконечников стрел, по данным К. Ф. Смирнова, имели наибольшее распространение в Приуралье и Поволжье на протяжении V—III вв. до н. э.⁵ Такая датировка в данном случае находит подтверждение в определенном сходстве краскотерки с каменными «алтарями» из погребений сакского периода Приаралья⁶ и Центрального Казахстана⁷. Большая точность ввиду отсутствия твердо датированных параллелей в Средней Азии невозможна.

Могильник Джанак II состоит из 12 небольших наземных каменных сооружений, образующих вытянутую с юго-востока на северо-запад цепочку. Все они сильно разрушены, по-видимому, главным образом в результате деятельности грабителей. Некоторые имели вид беспорядочных скоплений обломков плит. Раскопки, производившиеся с расчисткой и последующей разборкой развала, показали, что это остатки округлых, чаще всего овальных оград диаметром от 2 до 4 м (рис. 4). Часть оград имела два кольца кладки из обломков плитняка; часть (малые по размерам) — только одно; в наиболее сохранившихся прослеживалось четыре ряда кладки.

Погребения во всех сооружениях находились на уровне древнего горизонта, однако остатки их в виде смещенных обломков костей обнаружены только в трех. Размеры внутренних пространств оград и некоторые наблюдения над расположением костей позволяют полагать, что скелеты были скорченны. Данных для определения ориентировки не имеется, хотя наиболее вероятной следует считать северную.

Сопровождающий инвентарь в этом могильнике очень невелик. Это обломок каменного «блюда», украшенного снаружи насечками, образующими ряды незамкнутых углов (рис. 5, 1); фрагмент венчика сосуда, изготовленного на круге (рис. 5, 2); четыре бронзовых трехперых втульчатых наконечника стрел (рис. 5, 3—6); обломок концевой части железного ножа (рис. 5, 7) и небольшая дисковидная каменная бусина (рис. 5, 8). В некоторых оградах обнаружены истлевшие кости барана.

Из наконечников стрел три имеют выступающую втулку, один — скрытую. Наблюдаются заметные вариации формы перьев и пропорций головки. В целом наконечники стрел очень близки к найденным в сооружении 2 могильника Гек-Даг II. Это позволяет датировать могильник Джанак II примерно в тех же пределах, которые установлены для могильника Гек-Даг II. Датировку подтверждает находка каменного изделия, сходного с распространенными в близкое время на соседних территориях.

Синхронность или во всяком случае значительная близость по времени сочетается с большим сходством конструкции. Сооружение 2 в могильнике Гек-Даг II является лишь более крупной по размерам оградой, круглая форма которой, очевидно, была обусловлена многочисленностью совершен-

Рис. 4. Могильник
Джанак II. Сооружение 1.
План

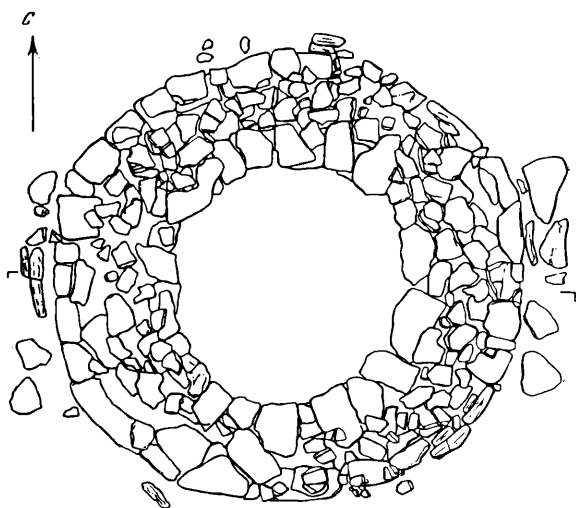
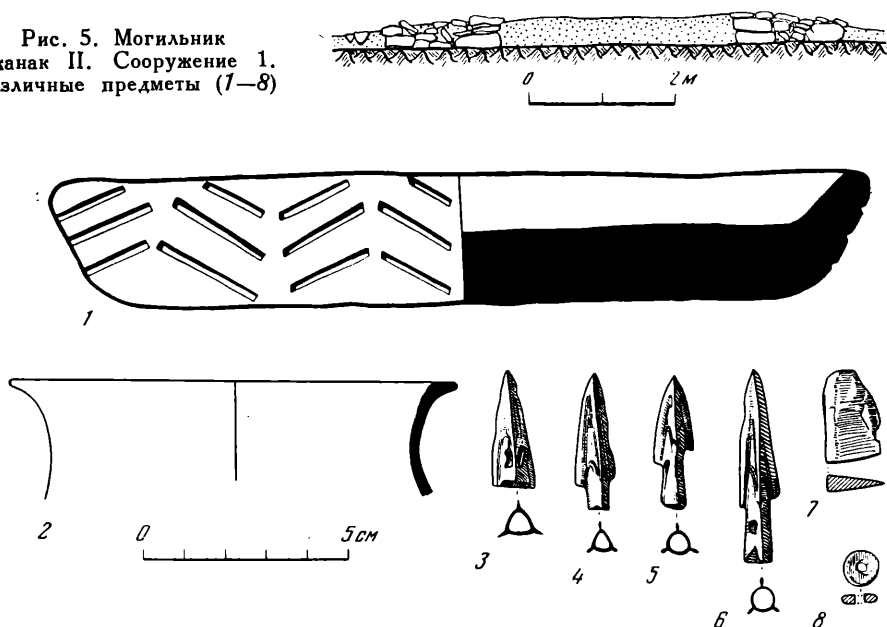

Рис. 5. Могильник
Джанак II. Сооружение 1.
Различные предметы (7—8)

ных в ней захоронений. В обоих памятниках прослеживаются двурядная кладка оград и отсутствие углублений в почву. И тут и там не обнаружены остатки перекрытия, но учитывая расположение плит в развале некоторых оград в могильнике Джанак II, можно предполагать, что камеры их были закрыты подобием ложного свода. По-видимому, сходное перекрытие имелось и в могильнике Гек-Даг II; составлявшие его плиты могли быть сняты при возведении находящихся в непосредственной близости более поздних погребальных сооружений.

Существенное различие наблюдается только в характере захоронения: в одном случае оно, по всей видимости, было многократным (менее вероятно, коллективным), в других — однократным. Причины этого установить еще невозможно: здесь могут быть отражены отличия локального, этнографического порядка или какие-то социальные моменты.

Указанная выше дата при современном уровне изученности западных областей Средней Азии может рассматриваться только как приблизительная. Но тем не менее она дает надежную базу для атрибуции описанных памятников. При всех возможных уточнениях ее в будущем мы имеем

весьма веские основания видеть здесь погребения, принадлежавшие массагетам или той их группе (согласно подразделению, приводимому Страбоном)⁸, которая обитала на равнинах. Локализация этой группы именно на территории севернее Больших Балхан вытекает из самой характеристики занятых ею земель и, главное, находит подтверждение в дошедших до нас сообщениях о ландшафте местностей, где происходила борьба между войсками Кира и массагетами.

Трудно установить, в какой мере деление Страбона соответствовало реально существовавшему положению. Особенно неясно, где надлежит искать те группы массагетов, которые, по словам Страбона, обитали на болотах и островах. Хотя из контекста можно было бы сделать вывод, что речь идет о территории древних дельт Амударьи при впадении ее в Аральское море, известные здесь археологические памятники заставляют сомневаться в том, что здесь жило население, родственное обитателям закаспийских равнин. Дальнейшие исследования, возможно, позволят решить этот вопрос, имеющий существенное значение для уточнения наших представлений об этнической и политической карте западной части Средней Азии во второй половине I тысячелетия до н. э.⁹

Согласно сообщениям Геродота¹⁰, у массагетов предел жизни человека не устанавливался, однако если кто-то достигал глубокой старости, родственники закалывали его, принося в жертву (вероятно, верховному божеству — солнцу?). Мясо убитого варили вместе с мясом жертвенных животных и затем съедали. Такая смерть считалась наиболее почетной. Когда человек умирал ранее возраста, позволявшего принести его в жертву, это рассматривалось как несчастье. Далее Геродот указывает, что умерших от болезней «предавали земле».

Те же сведения повторяются позднее у Страбона¹¹, но с некоторыми отличиями. Во-первых, он называет жертвенных животных — это были бараны; во-вторых, умерших от болезней, по его словам, выбрасывали, так как считали нечестивыми и «достойными съедания зверями».

Таким образом, письменные источники вполне четко выделяют связанные с двумя особыми вариантами смерти специфические погребальные обычаи, отличавшиеся от общепринятых норм. Мы не знаем, каковы были эти нормы, но отношение Геродотом захоронений в земле к особой категории позволяет считать, что им соответствуют именно наземные сооружения, в которых умерших помещали непосредственно на поверхности почвы. Такой обряд сохранялся в Закаспии и позднее — до первых веков н. э.

¹ Низовья Амударьи, Сырыкамыш, Узбой. История формирования и заселения. — Материалы Хорезмской экспедиции, вып. 3. М., 1960.

² Мандельштам А. М. Погребения срубной культуры в Южной Туркмении. — КСИА, 108, 1966; он же. Новые погребения «срубного» типа в Южной Туркмении. — КСИА, 112, 1967.

³ Исследование палеоантропологических материалов из погребальных сооружений, относящихся к последним векам до н. э. — первым векам н. э., показало, что треть из найденных здесь черепов сходны с черепами из погребений бронзового века в Нижнем Поволжье. Ср: Гинзбург В. В., Трофимова Т. А. Палеоантропология Средней Азии. М., 1972, с. 168.

⁴ Аналогичное явление наблюдается почти во всех наземных погребальных сооружениях более позднего времени.

⁵ Смирнов К. Ф. Вооружение савроматов. — МИА, № 101, 1961, с. 49—50.

⁶ Вишневская О. А. Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII—V вв. до н. э. по материалам Уйгарака. — Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции, VIII. М., 1973, с. 86—87, табл. XXIV.

⁷ Маргулан А. Х., Акишев К. А., Кадырбаев М. К., Оразбаев А. М. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1966, с. 318, рис. 10; с. 337, рис. 30; с. 354, рис. 47.

⁸ Страбон, XI, 8, 6—7.

⁹ Решение этого вопроса, в частности, покажет, можно ли рассматривать сообщение Страбона как свидетельство существования крупного политического объединения, включавшего в свой состав Хорезм.

¹⁰ Геродот, V, 216.

¹¹ Страбон, XI, 8, 6.